

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ ОГОВОРКИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА*

С. Н. Цейтлин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
stl2006@list.ru

Аннотация. В статье обсуждается лингвистический механизм разнообразных грамматических сбоев в области порождения русских глагольных словоформ, которые имеют явно неслучайный характер. Представлен опыт типологии глагольных оговорок, затрагивающих область морфологической структуры словоформ, указываются возможные причины их появления. Рассматриваются сконструированные говорящим окказиональные словоформы и выясняется их соотношение с нормативными словоформами.

Ключевые слова: порождение речи, речевые сбои, грамматические оговорки, выравнивание парадигмы, заполнение лакун, потенции языковой системы, избыточность.

Verbal word formation speech mistakes in Russian native speakers

S. N. Tseitlin

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
stl2006@list.ru

Abstract. The article discusses the linguistic mechanism of various non-random grammar failures in the production of Russian verbal forms. We present a typology of speech errors in verb use related

* Интересом к данной я теме я обязана М. В. Русаковой, которая убедительно продемонстрировала в своих исследованиях ценность этого материала для лингвистической теории.

to the morphological structure of word-forms and describe possible reasons for them. We analyze occasional speaker-generated word forms in relation to normative word-forms. We have found out that speaker-chosen infelicitous word-forms are usually simpler, more systematic (prototypical), and correspond to the logic of the language better than normative forms. Similar analyses of speech errors make it possible to discover variability of language forms, a hierarchical nature of grammar rules, the existence of lacunae, etc. Infelicitous word-forms are usually built to the simplest and most logical language rules that involve the least effort. Most verb-form errors are paradigmatic, while nominal-form mistakes can be of both syntagmatic and paradigmatic nature. A comparison of children and adult errors, surprisingly, shows that they are almost similar in their grammatical structure and even completely coincide in many cases. The mechanisms of word formation are the same: both children and adults give preference to simpler and more universal forms. Adults and children, however, follow different word building strategies that lead to errors. Children, lacking sufficient language experience or sufficiently rich mental lexicon, build word forms themselves, while adults, sometimes for some reason unable to access their mental lexicon, are forced to resort to word-form building. The main method of our study has been observation of the speech of educated adults. Additionally, we used introspection, or the researcher's observation over his/her own speech. Introspection allows researchers to study their own inner speech and take notice of both verbalized mistakes and the verbalization paths. No special experiments were undertaken in the course of this study.

Keywords: speech production, speech errors, grammar errors, paradigm leveling, lacunae filling, potential of language system, redundancy.

Если бы наш лингвистический опыт не был упорядочен у нас в виде какой-то системы, которую мы и называем грамматикой, то мы были бы просто понимающими попугаями, которые могут повторять и понимать только слышанное.

Л. В. Щерба

Операции, совершаемые механизмами речи в процессе ее порождения, не могут носить во всех случаях абсолютно «жесткий», автоматический характер. Они необходимо перемежаются с вероятностными операциями, в которых выбирается один из путей продолжения процесса.

С. Д. Кацнельсон

1. Введение

В данной статье речь идет об отклонениях от нормы в речи взрослых образованных носителей языка, которые с нормой, безусловно, знакомы. Это отклонения невольные, не запланированные говорящим, и именно этим обстоятельством они кардинально отличаются от так называемых речевых приемов, свойственных художественной речи, а также окказионализмов разговорной шутиливой речи. В отличие от речевых приемов, они вызывают не удовольствие, а досаду и у говорящего, и / или у слушающего — в том случае, конечно, если участники коммуникации могут эти отклонения заметить. Фактически никто не застрахован от невольных речевых сбоев при порождении речи, у образованных людей они встречаются не реже, чем в речи необразованных¹.

Рассматриваются оговорки (в другой терминологии — обмолвки), касающиеся морфологического оформления глагольной словоформы. К грамматическим (точнее — морфологическим) отклонениям, имеющим место при порождении речи, теоретически можно отнести три вида явлений.

1. Это может быть неверный выбор морфологической формы в целом или какой-либо из входящих в ее состав граммем, например: *Поговорим о министерстве **культуре**; Говорили о нашем поражении в русско-японской **войны***, — мы приводим примеры двух наиболее характерных оговорок, связанных с неверным выбором формы существительного. В первом случае налицо явление

¹ Просторечных ошибок мы в данном случае не учитываем, поскольку их нельзя считать сбоями, они по сути являются элементами просторечного варианта языковой системы.

праймаинга, то есть уподобление последующей формы форме предыдущего слова, во втором — следствие омонимии форм прилагательного в родительном и предложном падежах, повлиявшей на изменение формы существительного. Как в первом, так и во втором случае налицо сбой в речевой цепи, то есть нарушения синтагматического характера.

2. В других случаях мы имеем дело с не соответствующим традиционно избранному способом конструирования словоформы: *Вот чудесо* так *чудесо!*; *Не плакай!*.. *Ой, не плачь*. В первом примере налицо унификация основы: форма единственного числа построена с использованием основы множественного числа. Во втором — основа настоящего времени образована от основы прошедшего времени путем присоединения к ней звука /j/. Подобные сбои можно считать парадигматическими, поскольку они происходят в пределах парадигмы слова.

3. В ряде случаев возможно создание словоформы, не предусмотренной языковой нормой, то есть заполнение так называемой абсолютной лакуны: *Я очень волновался, едя сюда*; *Это был неберомый мяч!* (о футбольном матче). Форма *едя* не соответствует норме литературного языка (хотя в НКРЯ обнаруживается 10 вхождений), отсутствует в языке и страдательное причастие от глагола *брать*. Тем не менее с позиции языковой системы и первая, и вторая формы вполне допустимы, что интуитивно ощущает говорящий.

Первый из названных выше трех типов оговорок в данной статье не рассматривается. Это объясняется тем, что среди глагольных оговорок, являющихся объектом нашего рассмотрения, подобного вида оговорки возникают крайне редко². Взрослые носители языка, как, впрочем, и маленькие дети, не ошибаются в выборе глагольных граммем, используя, например, не соответствующую норме форму лица или числа глагола, употребляя форму будущего времени вместо формы настоящего и т. д. Крайне редко встречаются и оговорки, связанные с неверным выбором вида глагола. В то же самое время подобные отклонения от нормы у существительных (не тот падеж, например) встречаются на каждом шагу. Можно предположить, что морфологические навыки, связанные с выбором формы глагола, базирующиеся прежде всего на имплицитном знании ее

² Мы не рассматриваем случаи, когда не подходящая для высказывания форма вызвана изменением первоначального замысла говорящего.

семантических функций, складываются в очень раннем возрасте и фиксируются в индивидуальной системе человека достаточно прочно, не позволяя в дальнейшем ей разрушаться даже в трудных коммуникативных ситуациях, которые могли бы привести к сбоям. Причин для этого много, одна из них очевидна: лидирующее место глагола в синтаксической структуре предложения, обеспечивающее ему возможность не поддаваться провокациям контекста и разнообразным внешним влияниям. Не менее важно и то, что именно глагол аккумулирует основные интенции говорящего, связанные с актуализационными категориями (см. [Бондарко 2002]), поэтому именно эти характеристики находятся в центре внимания говорящего, точнее сказать — той сферы его мозга, которая отвечает за язык.

Задача, поставленная в данном пилотном исследовании, основанном на наблюдениях за спонтанной речью носителей русского языка, — предложить предварительную типологию глагольных грамматических оговорок, определить психолингвистический механизм их возникновения, а также, при наличии нормативного коррелята словоформы, установить направление его модификации.

Материал, который подвергается анализу, — оговорки взрослых, в том числе и не получившие реализации в речи (так называемые «перехваченные» или реализованные лишь частично)³. В качестве одного из важных методов используется интроспекция, как прямая, то есть зафиксированная автором данной работы в собственной речевой деятельности, так и косвенная, то есть отмеченная в результате самонаблюдения одним из информантов.

В данной работе внимание сосредоточено прежде всего на тех фрагментах языковой системы, которые наиболее уязвимы и подвержены модификациям в процессе порождения речи. Важно также определить, каково направление замены одной словоформы на другую, что может помочь разобраться в иерархии существующих грамматических правил. Кроме того, оговорки, заполняющие абсолютные лакуны, позволяют обнаружить так называемый «креативный потенциал» (см. [Ремчукова 2011]) языковой системы.

Материал исследования — нестандартные случаи использования глагольных словоформ в речи опытных, то есть владеющих

³ Под перехваченной оговоркой понимаем случаи из разряда «чуть было не сказал», когда говорящий, ощущая, что планируемая им словоформа не существует, останавливается или произносит лишь ее часть.

литературной языковой нормой, носителей русского языка в возрасте от 30 до 80 лет. Основной способ сбора материала — наблюдение за спонтанной речью людей, в том числе и радиожурналистов нескольких популярных радиостудий, а также за собственной речью автора статьи, то есть интроспекция. Кроме того, две женщины — одна 45 лет, вторая 60 лет, — по просьбе автора вели дневники, записывая собственные оговорки и сопровождая их описанием ситуаций, в которых оговорки имели место. Все высказывания записаны с учетом необходимого для их понимания контекста. Никаких специально организованных экспериментов не проводилось.

Метод интроспекции, начало использования которого фактически было положено Л. В. Щербой [Щерба 1976], в настоящее время получает все большее распространение; о его преимуществах см., например, [Фрумкина 2007]; он используется в работе М. В. Русаковой [Русакова 2013: 209–221]. Этот метод широко распространен и в западных исследованиях, посвященных оговоркам.

Именно интроспекция дает возможность наблюдать за глубинными процессами, происходящими в речемыслительной деятельности человека, в том числе и за тем таинством, которое принято называть внутренней речью. Этот метод позволяет учесть не только перехваченные оговорки, но и те, на первый взгляд — странные случаи, когда неожиданно для самого говорящего вербализуется мысль, не предназначавшаяся для вербализации; она может воплотиться в слове, которое, врываясь в чужое пространство, приобретает грамматическую форму, приготовленную для другого слова, благодаря чему синтаксическая структура предложения остается неизменной.

2. Оговорки как разновидность речевых сбоев

Хотя оговорки привлекают внимание ученых (как психологов, так и лингвистов) начиная с XIX века, их природа в настоящее время не ясна до конца, ибо для определения характера и особенно причин, их вызывающих, требуются серьезные междисциплинарные исследования с позиций не только лингвистики, но и нейрофизиологии, психологии, логопатологии.

Причиной оговорок могут быть факторы как объективного характера, связанные с закономерностями языка (что, собственно говоря, и дает лингвистам возможность использовать их как один

из инструментов научного познания), так и субъективного, зависящие от психофизиологических особенностей личности, возраста, характера речевого опыта, объема долгосрочной и рабочей памяти и многого другого. Кроме того, особенности порождения речи в каждом конкретном случае во многом определяются ситуацией, в которой осуществляется общение, а также контекстом — как в широком, так и узком смысле этого слова. Источником оговорки могут быть провокации контекста, левого или правого, а также ассоциации самого разного рода, приводящие в ряде случаев к неверному выбору лексемы или морфологической формы. Любая оговорка может быть рассмотрена как следствие некоей речевой операции, совершенной говорящим в процессе порождения речи при недостаточном контроле (или даже полном его отсутствии) сознания, точнее — той его области, которая относится к языку⁴.

Рассматривая процесс порождения высказывания с позиций функциональной грамматики, можно полагать, что все усилия говорящего при планировании и реализации какого-то текста сосредоточены на стремлении как можно точнее передать некий речевой смысл (термин А. В. Бондарко), для чего говорящий обращается к доступному ему арсеналу языковых единиц, выбирая их при опоре на знание их функций, как содержательных, так и структурных. Исходя из замысла, ему необходимо создать некий общий план высказывания, который может конкретизироваться и отчасти корректироваться в дальнейшем, выбрать нужные лексемы и т. д. По мнению Т. В. Ахутиной, одного из создателей отечественного варианта теории порождения высказывания, к выбору лексемы говорящий обращается дважды — в начале планирования и в дальнейшем ходе его [Ахутина 2014: 29–30]. Требуется подобрать подходящую синтаксическую конструкцию, определяющую иерархию синтаксических зависимостей компонентов, установить их порядок в речевой цепи, а также морфологическую форму каждого из них,

⁴ Термин «языковое сознание» пока не получил четкого и однозначного определения. Многие известные ученые (Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, И. Г. Овчинникова и др.) придерживаются широкой трактовки языкового сознания, включая в него и сферу неосознаваемых явлений, другие (как, например, Т. В. Черниговская, Б. Ю. Норман) противопоставляют сознание и мозг, понимая под мозгом область бессознательных речевых операций. В нашем исследовании мы придерживаемся второго из указанных направлений. Следует отметить, что разногласия носят чисто терминологический характер.

обеспечить фонетическую реализацию всего высказывания и т. д. Ключевую роль в этом процессе играют выбор и грамматическая реализация словоформы.

Известно, что в течение достаточно длительного времени ведутся дискуссии о том, конструируются ли словоформы в процессе порождения речи или извлекаются из ментального лексикона гештальтно (см., например, [Gor, Chernigovskaya 2001]. Конкурируют две основные точки зрения: 1) абсолютно все словоформы хранятся в индивидуальном ментальном лексиконе и извлекаются из него при порождении речи; 2) в лексиконе хранятся только нерегулярные словоформы, что же касается регулярных, то они конструируются каждый раз говорящим, опирающимся на известные ему грамматические правила. Однако применительно к языкам с богатой морфологией, подобных русскому, это антиномия не срабатывает. Мы солидарны с теми исследователями, которые придерживаются т. н. гибридного подхода применительно к словоформам русского языка, допуская использование говорящим обеих стратегий: как гештальтного извлечения словоформы, так и ее конструирования (см. [Русакова 2013: 91–97]).

При этом выбор стратегии, по нашему мнению, определяется не только особенностями самой словоформы: частотностью ее в речи, временем (возрастом) ее освоения, регулярностью или нерегулярностью морфемной конструкции и т. п., но также и обстоятельствами коммуникации, психическим состоянием говорящего, наличием прайма⁵ в контексте и т. д. Наши наблюдения показывают, что один и тот же человек может при порождении речи в один и тот же день использовать как одну, так и другую стратегию: извлечь готовую словоформу из своего ментального лексикона или сконструировать ее самостоятельно. Последнее может привести его к оговорке, если избранный им способ конструирования отличается от одобренного традицией. Если же он избирает традиционный способ, то оговорка исключена, однако при этом мы не можем знать, имело место формотворчество или нет. Тот неоспоримый факт, что число грамматических оговорок в языке с такой сложной морфологией, как русский, сравнительно невелико, свидетельствует,

⁵ В психолингвистике праймом называется слово-стимул в предшествующем контексте, влияющее на распознавание или порождение последующего слова-стимула; о естественном прайминге см. [Русакова 2013: 55–60].

по нашему мнению, о том, что подавляющая часть словоформ извлекается из ментального лексикона при порождении речи гештальтно. В противном случае отклонений от нормы в таком языке, как русский, было бы намного больше. Так считает, например, Б. М. Гаспаров [Гаспаров 1996]. Дж. Филд, завершая небольшую статью об оговорках в своей энциклопедии терминов, замечает: «Оговорки в речи встречаются нечасто. Действительно, одной из удивительных особенностей речи является тот факт, что в ней так мало ошибок» [Филд 2012: 162].

Есть все основания полагать, что эта огромная работа по «техническому», т. е. языковому, оснащению высказывания совершается на очень низкой степени осознания, практически бессознательно. Мнения психологов, в первую очередь основателя теории бессознательного З. Фрейда, и лингвистов (И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, Л. В. Щербы, Р. Якобсона) в этом отношении совпадают. Можно полагать, что сознание при порождении речи занято преимущественно другой, не менее важной, работой: оно сосредоточено на смысле высказывания, ибо именно обмен смыслами и есть фактически цель человеческой коммуникации. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что как говорящий, так и слушающий часто не замечают ошибок и оговорок, если только они не влияют на понимание смысла высказывания. Ведь язык и осваивается ребенком тоже на бессознательном уровне, о чем автор данной статьи неоднократно писал (см., напр., [Цейтлин 2000; 2009]), ссылаясь на мнение таких авторитетных ученых, как Л. В. Щерба [Щерба 1976], М. И. Черемисина [Черемисина 2002] и др. Мозг маленького ребенка неустанно работает, создавая и организуя его языковую систему: определяя сферу референции лексем на основании семантической категоризации действительности, добывая языковые правила путем обобщения сходных явлений, формируя ментальный лексикон, содержащий единицы разного ранга и объема и т. д.

Термин *ментальный лексикон* широко используется в современной психолингвистике, большинство исследователей склонны отождествлять его с языковой памятью, способной хранить ментальные образы лексем, а также словоформ, которые не конструируются при речепорождении, но извлекаются из памяти как гештальты. Вслед за Б. М. Гаспаровым и рядом других исследователей мы полагаем, что в памяти человека хранятся также блоки словоформ

(по терминологии Гаспарова — коммуникативные фрагменты), причем они могут достаточно крупными: «В нашей языковой памяти целые фрагменты языкового материала разной длины присутствуют слитно, в виде целостного звукового — а для говорящего, погруженного в письменную культуру, также и графического — образа» [Гаспаров 1996: 74].

Можно полагать, что фактически именно мозг отвечает за «техническое» (языковое) оформление смыслов. Было бы странно думать, что эта великая привилегия, данная человеку, утрачивается, когда период детства заканчивается. Уже в детском возрасте начинает появляться и развивается дальше языковая рефлексия как один из компонентов сознания, которая сопровождает формирование индивидуальной системы, но не отождествляется с ней.

К настоящему моменту становится все более очевидно, что в процессе порождения речи мозг, который ведает сферой бессознательного, может принимать решение относительно выбора слова или его формы раньше, чем успевают вмешаться сознание, способное осуществить языковой контроль, при этом интервал между деятельностью мозга и сознания может быть очень коротким. В работе Т. В. Черниговской указывается, что «мозг принимает решение примерно за 7–30 секунд (по некоторым данным) до того, как личность это осознает» [Черниговская 2013: 358]. Судя по скорости реакции на оговорки, отмеченной нами, это решение иногда принимается гораздо быстрее — в считанные доли секунды. С одной стороны, это обстоятельство обеспечивает максимальную скорость речи, что, несомненно, есть благо, с другой стороны — может привести в случае неточного попадания в цель к сбоям, касающимся как лексической стороны словоформы (выбор не соответствующей замыслу говорящего лексемы), так и морфологической формы (выбор неподходящей формы или ее конструирование не соответствующим норме способом). Именно последний из сюжетов мы рассматриваем в данной статье на примере глагольных словоформ.

Оговорка представляет собой прежде всего продукт мозга (в том смысле, как мы его понимаем), а не сознания. Случается, что говорящий успевает исправиться, произнеся правильную словоформу сразу вслед за ошибочной, а иногда меняет свое решение в самом процессе порождения словоформы на одной из слоговых границ. Во многих случаях удаётся даже ее «перехватить»

(в психолингвистике есть специальный термин «перехваченная оговорка»): не соответствующая норме словоформа блокируется включившимся сознанием, осуществляющим языковой контроль.

Рассмотрим наиболее распространенные нарушения языковой нормы в области глагольного словоизменения, которые можно считать оговорками. Выше мы уже говорили о том, что информантами были люди с высшим образованием, подавляющая их часть — представители гуманитарных профессий. Они безусловно знакомы с языковыми нормами, иногда даже слишком щепетильны в выборе словоформы из числа предлагаемых языковой системой. В ряде случаев они не учитывают случаев разрешенной нормой вариативности и с подозрением смотрят на ту, которая им меньше нравится, считая ее использование ошибочным. В таких случаях можно говорить о мнимых оговорках, которые, по свидетельству словарей, не нарушают норму⁶.

3. Вариативность грамматической системы как предпосылка появления ненормативных словоформ

Выше мы уже говорили о том, что отклонения от нормы в выборе морфологической формы не характерны для глагола, в отличие от существительного. Большая часть грамматических глагольных оговорок практически сводится к нарушению правил конструирования словоформ, при этом говорящий опирается на знание закрепленного за этой формой грамматического значения. Если по тем или иным причинам он не имеет доступа к нужной словоформе, входящей в его ментальный лексикон, он вынужден конструировать словоформу самостоятельно, используя те процедурные правила, которые ему знакомы. В таком случае осуществляется словоизменительная деривация в пределах парадигмы одной лексемы. Созданная говорящим словоформа может совпасть с существующей в языке, что, по-видимому, случается достаточно часто, но может и не совпасть, в последнем случае возникает оговорка. Известно, что в русском языке широко распространена вариативность правил конструирования словоформ, что

⁶ Нужно также учитывать, что норма чрезвычайно подвижна, меняется в разных поколениях. Исследований, подтверждающих нормативность той или иной формы, пока явно недостаточно для оценки нормативности многих речевых фактов.

объясняется сложным и при этом иерархически организованным строением грамматической системы, о чем не раз говорили и писали исследователи, более других — С. Д. Кацнельсон. Поддерживая теорию асимметрического дуализма лингвистического знака, принадлежащую С. И. Карцевскому, он отмечает: «Асимметрия между планами содержания и выражения в языке часто усложняется настолько, что дуализм языковых планов нарушается, уступая место *многослойной структуре с рядом промежуточных образований* [курсив наш. — С. Ц.]. Именно так обстоит дело в языках, где на базе синтетической морфологии возникает гипертрофия форм и формальных грамматических функций» [Кацнельсон 1972: 15]. Многослойность структуры, отмеченную С. Д. Кацнельсоном, фактически можно трактовать как указание на иерархичность системы, элементы которой различаются степенью своей сложности и при этом связаны между собой. Говорящий может выбрать «неправильный», т. е. не соответствующий норме, основанной на сложившейся традиции, способ конструирования языковой единицы. Этот способ может отличаться от нормативного степенью своей сложности, но это не является обязательным. Широкая вариативность языковых средств, используемых при деривации одной формы от другой в пределах словоизменительной парадигмы, обеспечивает широкие возможности для формотворчества, что и проявляется, в частности, в оговорках.

Ниже представлен опыт типологии грамматических глагольных оговорок, отражающих зеркальным образом языковые закономерности деривации словоформ. Ни один из отмеченных нами грамматических сбоев не является случайным, все они вполне предсказуемы глубинными закономерностями языковой системы, которые реализуются в норме лишь частично и непоследовательно. Замена одного способа порождения словоформы другим отражает строение русской морфологической системы и в первую очередь отмеченную выше вариативность способов конструирования словоформ, передающих тождественные грамматические значения. Важно выяснить, в каком отношении находятся правила, используемые говорящим, совершившим речевой сбой, к тем правилам, которые реализованы в нормативном языке применительно к конкретным лексемам. Сопоставляя ненормативную (окказиональную) и нормативную формы, мы постараемся это показать, разбив имеющийся у нас материал на группы и подгруппы.

4. Глагольные словоизменительные оговорки

4.1. Акцентологическое выравнивание

Сбои, суть которых заключается в том, что целевая, т. е. нормативная, и заменившая ее словоформа различаются местом ударения, чрезвычайно распространены в повседневной речи. Нет никаких оснований считать, что говорящий просто так, без видимых причин, сдвигает место ударения в словоформе. Анализ парадигмы конкретного глагола всегда позволяет выявить словоформу или несколько с ударением на определенном слоге, послужившую образцом для создания ненормативной формы. В некоторых случаях эта форма выступает в качестве прайма в предшествующем контексте в союзе с той же лексемой или другой, но это обстоятельство не является обязательным⁷. Поскольку в данной статье мы имеем в виду речь взрослых интеллигентных людей, у нас нет оснований видеть в подобных случаях воздействие просторечных форм, хотя совпадение оговорок с последними встречается достаточно часто.

4.1.1. Смещение ударения в глагольных формах с открытой основой

Микропарадигма предикативных форм глаголов прошедшего времени насчитывает всего 4 формы⁸, к которым примыкает форма инфинитива, также имеющая открытую (оканчивающуюся на гласный звук) основу. Если деривация осуществляется внутри этой группы, при этом сдвиг ударения существует хотя бы в одной из форм, создается пространство для отклонения от нормы:

- (1) *Она дала оппозиции новые возможности.*
- (2) *Нужно, чтобы люди поняли, что выход есть.*

⁷ Под праймом понимаем некий образец, содержащийся в левом контексте, который копируется говорящим. О роли т. н. естественного прайминга в порождении речи см. [Русакова 2013: 50–62].

⁸ Наши наблюдения показывают, что адъективные формы глагола, т. е. причастия и деепричастия, выполняющие синтаксические функции, отличные от функций предикативных форм, мало с ними ассоциируются в речевой деятельности индивида. Главные ассоциации связывают формы в составе одной микропарадигмы.

(3) *Я издал эту книгу большим тиражом...* (Собеседник тихо поправляет: *изда́л*).

(4) *Татьяна бра́ла у меня интервью, когда я был в Мурманске.*

Присутствие в предшествующем контексте прайма усугубляет ситуацию. Роль прайма можно продемонстрировать на следующем примере, когда говорящий на протяжении нескольких минут меняет свое решение: использует неверную конструкцию под влиянием прайма и верную при его отсутствии:

(5) Жена мужу: *Тебе не пора лекарство принять?* — Муж: Я уже *приня́л!*

Через несколько минут при отсутствии прайма: Жена: *Как там насчет лекарства, я не расслышала.* Муж: *Принял уже давно, я же сказал.* Понятно, что обычно муж использует нормативную форму, имеющуюся в его ментальном лексиконе, но в ситуации прайминга ошибается. Акцентологические варианты открытой основы в данном случае максимально широки: ср. *приня́л, приняла́, приня́ть*, деривация окказиональной формы возможна с ударением на любом из слогов.

Трудно, а иногда и невозможно в каждом случае отследить, какая из форм повлияла на выбор акцентологической модели [Русаква 2013: 63]. Один и тот же человек может в течение одного дня и даже одного часа произнести словоформу различным образом — в соответствии с нормой и с отклонением от нее. Радиожурналисты иногда начинают советоваться друг с другом о месте ударения в слове, при этом бывает, что оба обсуждаемых варианта с точки зрения нормы являются возможными.

4.1.2. Смещение ударения в глагольных словоформах с закрытой основой

Большая группа глаголов в формах настоящего времени или будущего времени сов. вида также характеризуется подвижным ударением: форма 1 л. ед. ч. имеет ударение на флексии, все остальные — на основе, что создает почву для возникновения речевых сбоев, заключающихся в унификации основы. В большинстве случаев все 5 форм с безударной основой перестраиваются под влиянием формы 1 л. ед. ч.:

- (6) Ведущий телевизионной программы: *Упомянём всех погибших в этой неравной борьбе* (ср. *упомяну*).
- (7) *Разве мы не можем создать аппараты, которые заменят... заменят старые?* (ср. *заменю*).
- (8) *Скидки тут эти скоро отменяют ...отмёнят* (ср. *отменю*).
- (9) Из дневника: «Сегодня поймала себя на том, что хотелось сказать *помогут* вместо *помогут*: *Приспособлюсь, а еще ребята помогут*» (ср. *помогу*).

В примерах (7) и (8) говорящий успевает перестроиться, включив языковой контроль.

При наличии прайма вероятность оговорки возрастает:

- (10) Из дневника: «Говорю мужу: *Я это в ванне полощу*. Он: *Полощишь?* Сам засмеялся».

4.1.3. Смещение ударения у причастий

Акцентологический сдвиг, часто сопровождаемый колебаниями говорящего, часто наблюдается и у форм страдательных причастий прошедшего времени:

- (11) *Бельгия была так названа... или названá?* — спрашивает один из радиоведущих у другого (ср. *назван*). В данном случае оба варианта возможны, но говорящий этого не знает.
- (12) *Когда были отменены...отменены́* налоги? (ср. *отмененá*, но *отмёним*).
- (13) *Это совпадает с его работой, начáтой много лет назад* — очевидно, влияние формы инфинитива (ср. *начáть*).

4.2. Чередования согласных внутри парадигмы настоящего/будущего времени

Стремление говорящего к унификации основы проявляется не только в сохранении постоянного места ударения, но и в устранении чередований согласных в конце основы. Чаще всего модифицируется форма 1 лица ед. ч. настоящего/будущего времени.

- (14) Из дневника: «Сын кричит: *Опаздываем! Бежим скорее!* — Я чуть не сказала *Бежу!*, но спохватилась». Налицо прайминг — давление формы внутри парадигмы.
- (15) Из дневника: «Говоря с Н. Е., сказала: *Я исхожу из того, что мы твердо обо всем договорились.* Почувствовала свою ошибку, посмеялись оба».
- (16) Диалог ребенка с ведущим детской передачи. Ребенку предлагают билет на елку. Он отвечает: *Завтра я не смогу.* Ведущий: *Не сможешь?* Чувствовалось, что сначала он действительно ошибся, но потом превратил это в шутку, рассмеялся. Имеет место и сдвиг ударения.
- (17) *Мне говорят: «Что поделать? Надо крутиться...» Я и крутюсь.*
- (18) *Я такие гаечные ключи возю всегда на помойку.*

Во всех приведенных выше примерах происходят изменения в основе 1 л. ед. ч., модифицирующей под влиянием основы других форм. Интересно, что в ситуации с изменением ударения направление модификации чаще всего обратное.

Нетрудно видеть, что исторические чередования в глагольных формах разрушаются. К таким же результатам приходят Н. А. Слюсарь и М. А. Холодилова [Slioussar, Kholodilova 2013], изучавшие словоизменительные процессы на материале речи пользователей интернетом. И действительно, такие примеры крайне немногочисленны:

- (19) *Тренер предложил укрепить... укрепить команду новыми игроками.* Несомненно воздействие основы 1 л. ед. числа.

4.3. Изменение способа корреляции открытой и закрытой основ

Как известно, каждый из русских глаголов имеет две формообразующих основы: открытую, т. е. оканчивающуюся на гласный, и закрытую, т. е. оканчивающуюся на согласный⁹. Отношения между ними узаконены традицией и представлены в описательных

⁹ Исключение составляет лишь небольшая группа глаголов.

грамматиках. В соответствии с традиционной классификацией, все глаголы делятся на так называемые продуктивные классы и непродуктивные группы, некоторые из последних могут быть представлены как двумя-тремя глаголами, так и достаточно большим их количеством. В сущности, эта классификация, основанная на способах корреляции основ, представляет собой наиболее важные и типичные правила перехода от одной основы к другой. Подавляющая часть глаголов продуктивных классов неуязвима для ошибок и оговорок, связанных с не соответствующей норме корреляцией основ — это глаголы 1 и 2 продуктивного класса (типа *играть* — *играю* и *болеть* — *болею*), к этой же многочисленной группе можно отнести глагол *дуть* и производные от него глаголы, а также *обуть*, *разуть*, поскольку они основаны на том же принципе корреляции основ, когда закрытая основа образуется от открытой путем прибавления к ней звука /j/. При конструировании глагольной словоформы в процессе речепорождения деривация может совершаться с переходом от открытой основы к закрытой или наоборот. Если говорящий использует при этом способ корреляции, не соответствующий языковой норме, неминуемо возникает оговорка.

Нестандартное образование закрытой основы от открытой в большинстве случаев совершается по правилу, которое мы называем йотовой корреляцией [Цейтлин 2009: 247–251]. Особенно частотны модификации основ глаголов т. н. непродуктивных классов на *-а-*, приобретающие /j/ при переходе к закрытой основе. Эта модель настолько влиятельна, что не требуются никакие праймы для того, чтобы использовать ее в речи. При этом способе корреляции сохраняется место ударения в словоформе, устраняются чередования согласных (ср., например, *писать* — *пишу* и *писать* — *писаю*). Оговорка, основанная на йотовой корреляции, занимает первое место в числе глагольных оговорок: *метаётся* (вм. *мечётся*); *пахает* (вм. *пахет*) и т. п. Эти замены соответствуют тенденции, существующей в настоящее время и распространяющейся с достаточно большой скоростью. Та же тенденция свойственна и просторечию.

- (20) Из дневника: «Сегодня сказал мне, подойдя к компьютеру: *Покажи, что он там пишет... пишет*. Яростно спорил, когда я ему указала на оговорку, утверждал, что он так не говорил, просто не мог сказать. Это было буквально через несколько секунд после того, как сказал».

Одному из известных современных режиссеров удалось деформировать во время интервью глагол «понять»:

(21) Я ей (актрисе) сказал: *Пойди туда, присмотришь к этим людям и поняй ... пойми, что тебе делать дальше.*

Не менее странно слышать в речи носителей языка форму *взяю*, являющуюся следствием прайминга:

(22) *Дождик будет, неплохо бы зонтик взять, взяю вот этот.*

Особенно уязвимы в отношении йотовой корреляции глаголы небольшой непродуктивной группы на *-ва-* (*давать, переставать* и т. п.):

(23) *Это судебное дело не переставает меня удивлять.*

(24) *Детям задавают слишком сложные вопросы.*

Подобной модификации часто подвергаются и многочисленные глаголы т. н. 3 продуктивного класса, в котором серьезные различия в звучании двух основ закреплены традицией, ср. *рисовать* — *рисую*. В соответствии с нормативным правилом, при переходе от открытой основы к закрытой меняется место ударения, происходит чередование согласных основы, сокращается количество слогов. Можно утверждать, что ни факт многочисленности глаголов этого класса, ни их активизация в современном языке не влияют на тактику говорящего, который может при ослаблении речевого контроля прибегнуть к более простому способу корреляции, устраняя обозначенные выше различия. Вот один из диалогов:

(25) *Не надо волноваться! — Я и не волнуюсь.*

Часто приходится слышать *сувай* или *совай* вм. *суй*: *Совай сюда!* — сказано о батарееке, которую нужно было вставить в фотоаппарат.

Подобные примеры свидетельствуют о необходимости разграничения системной и эмпирической продуктивности: эмпирически продуктивный 3 класс перестраивается под влиянием более системной модели.

Реже подпадают под правило йотовой корреляции и другие открытые основы, не только основы на *-а-*:

(26) *И все упоминают... есть упоминания об этом событии...*
(ср. *дуть* — *дут*).

Чрезвычайно уязвимой является императивная словоформа глагола *неть* и его производных. Большая часть опрошенных нами людей говорили, что не раз ловили себя на желании сказать *спей* вместо *спой*:

- (27) Детская передача, ребенок говорит: *Я могу что-нибудь спеть!*
Ведущий в ответ: *Спей...ой...спой.*

Все приведенные выше примеры нестандартной корреляции глагольных основ заключались в деривации закрытой основы от открытой. В нашем распоряжении есть всего два примера нестандартного образования открытой основы от закрытой. Оба приведены ниже.

- (28) *Хочу подчеркнуть, что мы не раз уже обсуждали эту проблему.*

Оговорка интересна тем, что фраза произнесена академиком, известным ученым, речь которого всегда отличалась безупречностью. А вот услышанное в аптеке:

- (29) *Вы для меня это лекарство ищите? Не надо ищить, я передумала.*

Наличие прайма здесь и в других случаях исполняет роль своего рода катализатора, активирующего процесс создания словоформы.

Все рассмотренные выше нестандартные глагольные словоформы фактически соответствует правилам, предусмотренным системой языка. Можно считать, что они заполняют некие относительные лакуны, которые являются ненормативными вариантами существующих нормативных словоформ. Анализируя степень абстрагированности языковых правил, мы в большинстве случаев обнаруживаем, что говорящий, допустивший оговорку, действовал по более простому и более системному (прототипическому) правилу, чем следовало. Ненормативные словоформы совпадают не только с речевыми ошибками русскоязычных детей, но и с окказионализмами пользователей интернета (см. [Цейтлин 1982; 2000; 2009]).

4.4. Заполнение абсолютных лакун в глагольной парадигме

Оговорки, как и ошибки, заполняющие т. н. абсолютные лакуны, являются особой группой языковых единиц, которые оказываются отклонением от нормы независимо от способа их конструирования.

Каким бы способом ни были образованы эти словоформы, они в любом случае окажутся за пределами языковой нормы просто потому, что отнюдь не все лексемы располагают полным набором словоформ, которые с позиций морфологической системы предусмотрены их статусом. Так, например, теоретически любое действие может быть представлено не только предикативной формой глагола, обозначающего основное действие, но и деепричастием, обозначающим второстепенное действие, сопровождающее основное или каким-то иным образом с ним связанное. Однако отнюдь не все глаголы имеют нужные для передачи таких значений формы деепричастий. Особенно остро ощущается эта нехватка применительно к глаголу *ехать*. Говорящие стремятся преодолеть это препятствие, используя забракованную нормой форму *едя*. От этой оговорки не застрахованы даже самые образованные люди, компетентные носители языка:

(30) *Едя сюда, я подумала о том, что хорошо бы сделать такие семинары бесплатными.*

(31) *Человек, едя на таком автомобиле, думает, что привлекает к себе внимание.*

Потребность в этой форме весьма высока, что доказывается многочисленностью примеров, из которых выше представлена лишь небольшая часть. При этом некоторые из говорящих, ощущая нестандартность этой единицы, превращают оговорку в своего рода шутку, инсценируя языковую игру:

(32) *Я устал, ждя тебя! Не мог прийти пораньше?*

От глаголов с основами, не имеющими гласных, деепричастные формы образуются с трудом.

Если формы 1 л. ед. ч. *победю* и *побежу* находятся за гранью нормы, то форма *убедю* и особенно *убежу* произносятся часто серьезно и без видимых колебаний:

(33) *Переводчица: Либо он меня убедит, либо я его убежу.*

Довольно часто, как мы уже говорили выше, отсутствие требуемой для выражения смысла высказывания словоформы говорящий обнаруживает уже во время его построения. Так, ведущая одной из радиостанций спрашивает тех, кто не пошел на вчерашний митинг, почему они так поступили:

- (34) *Что движж...* — успела произнести начало слова, как вдруг поняла, что формы прошедшего времени нет, и перешла на настоящее узуальное: *Что движжет вами, когда вы идете на какой-нибудь митинг?* Содержание высказывания при этом существенно меняется.
- (35) Политик о военном журналисте: *Я собл... смог соблюсти все меры предосторожности и остался жив* (успел перестроиться, почувствовав, что форма *соблюл* режет ухо, воспользовался модальным глаголом в сочетании с инфинитивом). Между тем, современные словари не считают такую форму недопустимой.

5. Заключение

1. Анализ речевых сбоев подтверждает психологическую реальность процедурных языковых правил, представленность их в подсознании человека.

2. При этом обнаруживается иерархический характер языковых правил. Нестандартные словоформы в подавляющем числе случаев строятся по наиболее простым, диктуемым логикой языка правилам, требующим от говорящего наименьших усилий. При отсутствии или ослаблении языкового контроля словоформы, принадлежащие одной и той же лексеме, разграничиваются преимущественно с помощью словоизменятельных аффиксов, при этом основа словоформы остается неизменной или меняется в минимальной степени. Данное обстоятельство можно трактовать как устранение избыточности, свойственной языку, которая заключается в наличии дополнительных, кроме предопределенных системой, средств маркированности различий между словоформами одной лексемы (сдвиг ударения, устранение чередований и пр.).

3. Сравнительно небольшое количество оговорок в речи носителей языка можно считать свидетельством того, что при порождении речи абсолютно преобладает стратегия гештального извлечения словоформы из языковой памяти, а не стратегия конструирования.

4. Сопоставление грамматических оговорок взрослых с ошибками детей в области словоизменения приводит к неожиданному, на первый взгляд, результату: они почти не отличаются по своей грамматической структуре друг от друга, во многих случаях наблюдаются и абсолютное совпадение (см. детские инновации

в [Цейтлин 2009; Елисеева 2014; Харченко 2012; Попова 2015]). Механизмы конструирования словоформ совпадают: в обоих случаях предпочтительной оказывается более элементарная и тяготеющая к универсальности структура.

5. Причины выбора стратегии конструирования применительно к оговоркам взрослых и ошибкам детей все же различны. Ребенок, вследствие недостаточности речевого опыта, еще не владеет богатым ментальным лексиконом и вынужден конструировать словоформы, а взрослый по каким-то причинам может временно утрачивать доступ к нему и также вынужден прибегнуть к конструированию словоформы.

6. Вне всякого сомнения, анализ причин оговорок помогает не только пролить свет на некоторые особенности речевой деятельности человека, но и уточнить иерархическую природу языковых правил и моделей, широкую вариативность способов выражения одного и того же грамматического значения в языках, подобных русскому, а также выяснить не реализованные в норме потенции языковой системы.

7. Абсолютное большинство зафиксированных нами речевых сбоев в сфере глагола относится к разряду парадигматических и представляет собой выравнивание парадигмы. Это существенно отличает глагольные грамматические оговорки от субстантивных грамматических оговорок, где в равной степени представлены оба вида оговорок — как парадигматические, так и синтагматические.

Литература

- Ахутина 2014 — Т. А. Ахутина. Нейролингвистический анализ лексики, семантики, прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Гаспаров 1996 — Б. М. Гаспаров. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Елисеева 2014 — М. Б. Елисеева. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Кацнельсон 1972 — С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Попова 2015 — А. Р. Попова. Опыт описания и лексикографического представления речи ребенка раннего возраста. Орел: Горизонт, 2015.

- Ремчукова 2011 — Е. Н. Ремчукова. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд. М.: URSS, 2011.
- Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Филд 2012 — Дж. Филд. Психолингвистика. Ключевые концепты. Энциклопедия терминов с английскими эквивалентами. М.: URSS, 2012.
- Фрумкина 2007 — Р. М. Фрумкина. Психолингвистика. 3-е изд. М.: Академия, 2007.
- Харченко 2012 — В. К. Харченко. Корпус детских высказываний. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2012.
- Цейтлин 1982 — С. Н. Цейтлин. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Учпегиз, 1982.
- Цейтлин 2002 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок. М.: Владос, 2000.
- Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
- Черемисина 2002 — М. И. Черемисина. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2002.
- Черниговская 2013 — Т. В. Черниговская. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Щерба 1976 — Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1976.
- Gor, Chernigovskaya 2001 — K. Gor, T. Chernigovskaya. Rules in Processing of Russian Verbal Morphology. G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich (eds.). Current Issues in Formal Slavic Linguistics. Frankfurt am Main: Lang, 2001. P. 528–536.
- Slioussar, Kholodilova 2013 — N. Slioussar, M. Kholodilova. Paradigm leveling in non-standard Russian. A. Podobryaev (ed.). Proceedings of the 20th FASL conference. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2013.

References

- Akhutina 2014 — Т. А. Akhutina. Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki, pragmatiki [Neurolinguistic analysis of lexicon, semantics, pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Bondarko 2002 — А. В. Bondarko. Teoriya znacheniya v sisteme funktsionalnoy grammatiki: na materiale russkogo yazyka [Theory of meaning in the system of the functional grammar: on the material of Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002.
- Cheremisina 2002 — М. И. Cheremisina. Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke [Language and its reflection in the linguistics]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2002.
- Chernigovskaya 2013 — Т. В. Chernigovskaya. Cheshirskaya ulybka kота Shredingera: yazyk i soznanie [Cheshire smile of Schrödinger's cat: Language and mind]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.

- Eliseeva 2014 — M. B. Eliseeva. Stanovlenie individualnoi yazykovoy sistemy rebenka. Rannie etapy [Development of a child's individual language system. Early stages]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Field 2012 — J. Field. Psikholingvistika. Klyuchevye kontsepty. Entsiklopediya terminov s angliiskimi ekvivalentami [Psycholinguistics. The Key concepts. The handbook of terms with English equivalents]. Moscow: URSS, 2012.
- Frumkina 2007 — R. M. Frumkina. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. 3rd ed. Moscow: Akademiya, 2007.
- Gasparov 1996 — B. M. Gasparov. Yazyk. Pamyat. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language. Memory. Image. Linguistics of the language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.
- Gor, Chernigovskaya 2001 — K. Gor, T. Chernigovskaya. Rules in Processing of Russian Verbal Morphology. G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich (eds.). *Current Issues in Formal Slavic Linguistics*. Frankfurt am Main: Lang, 2001. P. 528–536.
- Katsnelson 1972 — S. D. Katsnelson. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Typology of language and speech thinking]. Leningrad: Nauka, 1972.
- Kharchenko 2012 — V. K. Kharchenko. Korpus detskikh vyskazyvaniy [The corpus of child's utterances]. Moscow: Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing Publishing House, 2012.
- Popova 2015 — A. R. Popova. Opyt opisaniya i leksikograficheskogo predstavleniya rechi rebenka rannego vozrasta [Attempt of description and lexicographical presentation of the speech of a child of early age]. Orel: Gorizont, 2015.
- Remchukova 2011 — E. N. Remchukova. Kreativnyy potentsial russkoy grammatiki [Creative potential of Russian grammar]. 2nd ed. Moscow: URSS, 2011.
- Rusakova 2013 — M. V. Rusakova. Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka [Elements of the anthropocentric grammar of Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Shcherba 1976 — L. V. Shcherba. Yazykovaya sistema i rehevaya deyatelnost [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Slioussar, Kholodilova 2013 — N. Slioussar, M. Kholodilova. Paradigm leveling in non-standard Russian. A. Podobryaev (ed.). *Proceedings of the 20th FASL conference*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2013.
- Tseitlin 1982 — S. N. Tseitlin. Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie [Speech mistakes and their prevention]. Moscow: Uchpegiz, 1982.
- Tseitlin 2000 — S. N. Tseitlin. Yazyk i rebenok [Language and child]. Moscow: Vlado, 2000.
- Tseitlin 2009 — S. N. Tseitlin. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi [Essays on derivation and inflexion in child language]. Moscow: Znak, 2009.